

Меняется жизнь--переделываются люди

(От нашего специального корреспондента)

Как складывается новая жизнь

Крупинкам складывалась здесь новая жизнь, шаг за шагом прокладывались ее руслы. Это происходило незаметно, исподволь, по мелочам.

Старик из Смоленска начал есть сало; парень из Ленинграда, несмотря на дождь, прежде укрыл лошадь своим армейским, а потом уже подумал о себе; 49-летний старик верхом на дикой лошади; девушки, работающие рядом с мужчинами; колхозы, в первую очередь заботящиеся о лошадях и инвентаре, а потом уже о продовольствии для себя; долгие разговоры с крестьянами о членоведстве; суровый, со средоточенным видом и уверенные движения—все это было мозаикой нового.

И тут же рядом—первый кооператив, первые борозды в целине, тракторы, борона, постройки.

И трудно узнать в этом старике, важно восседающем на лошади—незаметного местечкового еврея; в этих поднявшихся чуть свет лесорубах, деловых и серьезных, преисполненных чувства собственного достоинства,—прежних «людей воздуха».

Жизнь меняется. И меняясь, она переделывает людей.

И это создание жизни и созидание нового человека идут рядом, порождая одно другое.

Бодрый труд человека переделывает и природу. Вот замечательная выдержка из агрономической сводки.

«Климат девственных певодед-

Евреи-переселенцы на земляных работах на Бирском опытном поле

ланных пространств Дальнего Востока не остается постоянным, но меняется с вовлечением этой местности в культурный сельскохозяйственный оборот.

И переселенцы знают это. Как впрочем, знают и то, что каждое их усилие будет вознаграждено.

Дела и люди

Точно так же, как из лукошка свежих ягод, трудно выбрать лучшие, из вереницы фактов не легко найти наиболее яркие. И, избегая ошибки, я выбираю человека потому, что человек стал творцом этих фактов.

События захватили Гуревича врасплох и, может быть, именно поэтому они приобрели такую силу и такую яркость.

Он приехал в Минск из маленького еврейского местечка, где у каждого большие семьи и такие же большие беды. В таком местечке,

Гуревич проживал 49 лет своей жизни.

Когда ему рассказали о Бире-Биджане (это было в фойе еврейского театра в Минске), он молчал, наклонив голову и опустив глаза, словно с каждой минутой разговора ему на плечи взваливалася новый груз.

И когда рассказывавший, перепливаясь радостью и силой, предложил ему:

— Поехем, Гуревич, — он вдруг с грустью подумал, что ему, в сущности, нечего терять и не с чем рассставаться.

И из Минска, не заезжая домой, написав только письмо жене, он уехал в Биро-Биджан.

Когда я встретил его, он прочно сидел в седле, а пегая кобылица, крахистая и массивная, несла его на широкой и покачивающейся спине бережливо и осторожно.

Это было очень неожиданно. Было тихо, темно, беззвездно и безлунно. Ночь окутала меня, как пологом, темнотой, настороженная и дикая тишина стерегла каждое движение. В такое время к сердцу подкладывается горьковатое ощущение потерянности и заброшенности.

И вдруг, разрывая эту тишину неожиданно и потому ярко, ветер донес до меня обрывки песни. Я никогда и нигде до сих пор не слышал этой песни.

«На полях, зеленых и свобод-

ных
«Не там, где земля сыра от слез,
«Не у помещика в кабале,
«А в стране, где красная звезда»...

Многократное эхо подхватывало слова, разносилось им, повторяя. Песня неслась издалека, из-за сопки, где у костра расположились переселенцы. Девичий и мужские голоса, сливаясь, как ручьи, в один поток, разрывали тишину радостным взлетом.

«С серпами, с косами на плечах
«Едут евреи на лошадях»...

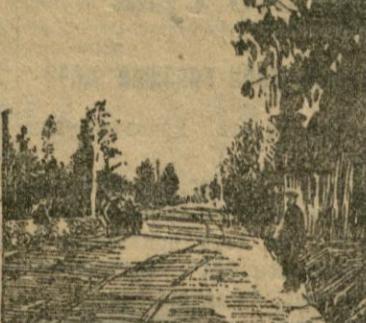
Неведомо ком и неведомо когда с любовью сложенная песня рассказывала о евреев-земельцах, о евреев-колонистах, об обновленном человеке. О человеке, которого переродила земля и труд. О стране, единственной стране, где это случилось, о «стране красной звезды».

Я подошел ближе, пламя костра скользило по молодым лицам и вдруг неожиданно и громко послышалось:

«Мы прорастаем
Мы растем»...

Да. Мы прорастаем, мы растем! Песня, как птица, кружилась над костром, задавая теплым крылом надежд усевшихся в круг людей. Семен Езерский.

Тихонекан.

На прокладке шоссе Выдрица—Орехи.

часть капусты сгинет. Гниль выбрасили, осталльное покрошили и бросили в котлован. Теперь, говорят, эта часть капусты гниет.

Строили в поселке столовую. «Но впереди сделяли внутреннюю обшивку, уложили кирпичные столбики для печурок. Потом вспомнили, что строят ведь жилой барак, а хухло. Переделали. В посещшей горячей работе переделка—большая роскошь.

Еще хорошую хлебопекарню построили в поселке, построили также склады для продуктов, зерна, а вот мука хранится бесхозяйственно—прямо на вагоне. Мучной склад забыт в постройке.

Рязанские торфяники едут. Еще 2-3 дня и они будут в Шабавах. Торфяные разработки уже готовы: если там уже нет, кустарники выкорчеваны, установлены машины. Провода готовы в любое мгновение принять электрический ток от понижющей станции, чтобы передать его машинам. В поселках 11 бараков ждут своих жильцов.

Будем надеяться, что энергичные рабочники Осанторфа не заставят селеников жаловаться на плохой прием.

Л. Рюм.
Шабавы, поселок Осанторфа.

ПИСЬМА ИЗ БИРО-БИДЖАНА

Мы требуем вмешательства ЦКК и НЮ

Позорная дружба с осужденными кооперативными вредителями имеет место не только в ЦРК, но и в борисовском пригородном потребобществе

Почему делец Шишло продолжает оставаться во главе пригородного потребобщества?

Борисов, 13. (От наш. корр.). 7-го июня состоялось общее собрание служащих борисовского ЦРК, на котором обсуждалась заметка, помещенная в № 118 газ. «Рабочий», под заглавием «Позорная дружба». В принятой резолюции собрание решительно осудило поведение служащих ЦРК, участвовавших в пьянике, устроенной на квартире у осужденного кооператора Гинзбурга.

Мы могли бы считать это дело законченным, если бы вышеупомянутая резолюция действительно отражала настроения служащих ЦРК. Но в том-то и беда, что на собрании явно чувствовалось сочувствие почти всех служащих ЦРК по отношению к осужденным делцам. Это сочувствие сказалось, например, очень ярко в таких «вопросиках»:

— Доказано ли, что это был организованный вечер? Может быть, тут случайно (!) всплыли некоторые товарищи?

— Считаем ли мы человеком того, кто осужден советским судом? Разве запрещается вступать в какие-либо отношения с людьми, хотя бы и отбывшими наказание по советским законам?

Впрочем решительно осуждали позорную дружбу только представители райпрофбюро и 2-3 служащих. Значительная же часть присутствовавших старалась в той или иной форме оправдать эту позорную дружбу.

На собрании, между прочим, выяснилось, что из 5 членов месткома на вечере у Гинзбурга участвовало 4 (все, кроме председателя). И несмотря на это, вопрос о перевыборах месткома не подняли ни присутствовавший на собрании представитель правления союза, ни само собрание. Один служащий поднял было этот вопрос, но председатель месткома снял его с обсуждения. Таким образом, активные участники «позорной дружбы» благополучно продолжают руководить коллективом служащих ЦРК.

Многие участники собрания возмущались тем, что осужденный в прошлом году заключения со строгой изоляцией, но освобожденный по амнистии, Шишло до сих пор управляет делами крупной крестьянской кооперативной организации, обединяющей свыше 2000 крестьянских дворов.

Выяснилось также, что осужденные делцы по делу о злоупотреблениях в борисовском пригородном потребобществе во главе с партийцами Шишло, Грибовским, Монсовым и др. сейчас же после суда устроили грандиозную пьяницу, которая продолжалась целую ночь.

Затем пошли отдельные бакеты на квартирах у Шишло и Лапкина.

Все это говорит о том, что суд над вредителями кооперации не дал нужных результатов.

Я.

БОБРУЙСКИЕ САМОДУРЫ

Активист-рабочий кирпичного завода № 2 Иванов без вины сидел 4 месяца в исправдоме

Завком и партийная ячейка хлопали ушами

БОБРУЙСК, 13. (От наш. корр.). В 1927 г. рабочий Иванов работал на бобруйском кирпичном заводе № 2 надсмотрщиком у пресса. Пресс работал скверно. Механик завода Желиховский вместо того, чтобы работать и следить за исправностью машин, «бил баклуши» и... аккуратно получал жалование.

На производственных совещаниях Иванов неоднократно жаловался на поведение механика. Желиховский же, по его собственному заявлению, был уволен.

Иванов остался работать один у пресса. И как не специалист, он, вполне естественно, не мог на все 100 процентов справиться с машиной. Иванов потребовал, чтобы немедленно прислали другого специалиста вместо Желиховского.

И администрация решила «насолить» кирпичану и «бузотеру» за его активные выступления на производственных совещаниях и борьбу против техника Желиховского.

Два месяца работал Иванов без выходных дней. Иконец, случилось то, что должно было случиться без опыта руководства—машина отказала работать. Чтобы спасти завод от простона, Иванов мобилизовал вокруг себя группу рабочих и, проработав с ними всю ночь, пустил машину. Когда Иванов на заводе основания потребовал оплаты сверхурочных работ, администра-

страция не стерпела и решила, что называется, отомстить. Удобный для этого случай скоро представился.

25-го августа Иванов должен был явиться в военкомат. И вот во время отлучки Иванова на заводе произошла 15-минутная остановка машины. Этую остановку (кстати сказать, остановка машины была и при Иванове по несколько раз в день) администрация приписала злой воле Иванова: Иванов, уходи, сознательно, мол, испортил машину.

Иванов был обвинен по 197 ст. УК, арестован и посажен в бобруйский исправдом.

Четыре месяца просидел ни в чем неповинный Иванов в исправдоме и, наконец, за недоказанностью обвинения он был освобожден из-под стражи. Дело о нем было прекращено.

Спрашивается, за что же Иванов сидел в исправдоме?

Спрашивается еще: где был завод, что делала партийная ячейка, докатился ли до Бобруйска лозунг партии о самокритике?

Мы ждем на все эти вопросы срочного ответа от бобруйских организаций.

